

Самая известная английская повесть — стивенсоновская «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». История о том, как добрый доктор Джекил научился раздваиваться и как потом его злобный двойник, почуяв свободу, заполнил все его существо, экранизировалась больше сорока раз. Сегодня на наших глазах происходит нечто подобное, и зрелище, доложу я вам, мрачное.

О Сергее Бодрове до сих пор говорят неуверенно, мучая близких надеждой, не решаясь произнести простое и страшное слово «погиб». Но дело здесь не в неопределенности, а в мрачных фокусах подсознания. Ведь в Кармадонском ущелье пропал без вести реальный Сергей Бодров, кандидат искусствоведения, специалист по венецианской архитектуре эпохи Возрождения, телеведущий, отец двоих детей, сценарист и режиссер — человек, о котором страна практически ничего не знала. Он был личностью крайне закрытой, как вспоминают все его знавшие; и уж точно — личностью, далеко не во всем определившейся, еще развивающейся и растущей. А страна оплакивает совсем другого персонажа — Данилу Багрова. Данила умудрился совершенно вытеснить реального Бодрова из сознания и памяти страны — и в этом смысле нерешительность журналистов понятна. Ведь Данила Багров никогда не умрет. Он непременно выберется из-под льда и пошагает дальше — не столько герой поколения, сколько виртуальный персонаж. И это самое страшное.

О первой роли Сергея Бодрова — в «Кавказском пленнике» — теперь никто и не вспоминает: героя, по сути, не было — была функция. Молодой солдат, насмерть перепуганный и добрый молокосос. «Брат» на чисто забил «пленника», поскольку картина Алексея Балабанова была исключительно талантливой и крепкой. Данила Багров, вызвавший такую волну народной любви, был на самом деле порождением инфантильного и запуганного постсоветского сознания, мечтой совка, которую подметил и точно описал Балабанов. Не зря сам Бодров в одном из последних интервью осторожно говорил: «Брат» — это терапия».

Данила — ответ страны на ее бесчисленные страхи и фобии, на всех «чужих», которые вдруг повывезли отовсюду... И не надо думать, что чужие — это только «гниды чернож...е». Чужими вдруг стали все. Не зря немца играл у Балабанова русеющий из русских Виктор Кузнецов с его широкими славянскими скулами. Данила — брат всех униженных и обиженных, который наконец-то придет и, не долго думая, замочит обнаглевшего врага. В этом смысле «Брат» точно предсказал другую, уже не кинематографическую драму, которую следовало бы назвать «Отец» (в роли отца — скромный петербургский актер из бывших разведчиков). Даниле, как впоследствии нынешнему лидеру страны, были делегированы все надежды и полномочия. Балабанов насчет этого героя не обольщался — не зря по Петербургу у него все время бегают пустой, выпотрошенный трамвай; не трамвай, а так — одна видимость. Лучшей метафоры страны, у которой на месте всех ценностей остались пустота и страх перед чужаком, нельзя было выдумать.

Ведь давно пора уже признать, что чеченская война, в которой закалился Данила, — гражданская. После всякой революции начинается самоистребление нации — как оно было у нас с восемнадцатого по двадцатый, так вышло и те-

«Кавказский пленник». Что ни название, то символ

фотограф Валерий Плотников

СВЯЗНОМ

странная история сергея бодрова и данилы багрова

перь, с девяносто четвертого. Какие там различия между русскими и чеченцами, когда семьдесят лет советской власти сделали всех одинаковыми совками? И все погромы на площадях, якобы устраиваемые фанатами, и драки на рынках, якобы завариваемые скинхедами, — все та же гражданская война, самоистребление от без-

мы так хотим Данилу, — а вот ты у нас получишь, за то, что угадал наш подспудный ужас! Балабанов все это понял и ответил «Братом-2» — фильмом, который снят как бы самим Багровым-младшим. Это его глазами смотрим мы на происходящее, его мечты воплощаются на экране, это он — в детстве зас-

молка» предложила ему стать символом издания: мол, Путин — наш президент, Плисецкая — наша гордость, Данила — наш брат... Поистине непонятно, для чего затесалась реальная Плисецкая в эту компанию виртуальных персонажей, порожденных страхом и озлоблением? Но страна не хотела Бодрова, ей требовался Багров, позаимствовавший у молодого искусствоведа лицо, обаяние и усмешку. И Сергей Бодров на концертах рок-групп, создававших саундтрек «Брата-2», произносил фразы типа «Давайте любить нашу Родину за то, что она наша!» — фразы, ни к чему не обязывающие, но явно принадлежавшие Даниле. Фразы, за которыми не было уже никакого содержания — потому что Родина понятия не имела, где она и что с ней.

В известном смысле и «Сестры» — первый собственный проект Сергея Бодрова — тоже фильм, как бы снятый все тем же неотвязным Данилой. В нем все, как в сознании этого доброго киллера: черное — белое, хорошее — плохое, побеждают в конечном итоге простейшие родовые связи (сестра спасает сестру, потому что сестрой быть правильно...). В чем сила, сестра? В брате... Общий брат

чуть ли не лично подосланным Николаем...). После гибели кумира тогдашних читателей Бестужева-Марлинского необычайно живучей оказалась версия о том, что он перешел на сторону горцев и бьется с ними за их независимость (ведь мертвым его так никто и не видел — он без вести пропал). И о Сергее Бодрове уже сейчас плодятся легенды (безжалостные к его близким, к тем, кто продолжает ждать вопреки всему): видели... нашлись... вышел... И не в том дело, что сознание отказывается мириться с гибелью молодого и талантливого: молодых и талантливых в России гибнет очень много, и отряд не замечает потери бойца. Просто вместо реального, красивого, одаренного Сергея Бодрова население оплакивает совершенно другого человека. Это о нем оно читает в газетах, что он, мол, помогал дворовой детворе, защищал слабых, любил старушек... Это он дружил с футбольным клубом «Алания». Это он — наш брат Данила. Это в его гибель отказываются верить миллионы.

И правильно делают. Даниле ничего не сделается.

О, если бы могло быть наоборот!

■ Евгений Марголит.

Бодров Сергей иер.
2.10.2002